Мы сами на грани нервного срыва

ИЗВЕСТНЫЙ ЛИНГВИСТ Максим КРОНГАУЗ СЧИТАЕТ, ЧТО ЧЕМ АКТИВНЕЕ ВЕДЕТ СЕБЯ РУССКИЙ ЯЗЫК, ТЕМ ОН БЛАГОПОЛУЧНЕЕ

С тех пор как царь Петр самолично внес правку в азбуку под названием «Изображение древних и новых письмен славянских, печатных и рукописных», выкинув из нее несколько букв, минуло 305 лет. А много позже — всего 15 лет назад — ЮНЕСКО признает 21 февраля Днем родного языка. Еще позже, в 2007 году, известный лингвист Максим Кронгауз констатировал, что русский язык находится на грани нервного срыва. «Вечёрка» решила побеседовать с профессором, доктором филологических наук Максимом Кронгаузом и узнать, что довело русский язык до такого состояния.

НА СМЕНУ ПАДОНКАМ ПРИШЛИ ДЕВОЧКИ С ПЕЧЕНЬКАМИ

— Максим Анисимович, вы как-то сказали, что в обществе сейчас нет запроса на властителя дум. А на что есть запрос?

— Мы все время говорим, что современный писатель — не Толстой и не Достоевский. Но надо учитывать, что наше общество очень расколото, у каждой группы есть свой запрос. И невозможно найти какую-то одну фигуру культурного лидера, которая объединила бы такое мозаичное общество. Поэтому и присуждение премии тому же Захару Прилепину вызывает дискуссии. Потому что часть общества принимает его и восхищается им, а часть — отторгает и возмущается. По любой фигуре у нас невозможно достигнуть согласия.

— Собственно, как и по языку — кому-то нравится олбанский, кому-то — литературный русский...

— Под «олбанским йезыгом» я понимаю не так называемый язык «падонкафф», а существование русского языка в Интернете. И в этом смысле процессы продолжаются, потому что, скажем, на смену падонкам, хулиганам и сквернословам пришли сентиментальные девчушки и привнесли всю эту лексику — «печеньки», «печальки», «ванильки» и т. д. И оказалось, что они смели и хулиганов, и их слова и провалились в общую интернет-лексику. Будет ли следующая волна? Мы не знаем. Сегодня ни один жаргон, ни один язык субкультуры не имеет шансов стать модным на всем пространстве. Сейчас модными становятся мемы, выстреливают отдельные высказывания, но они живут не очень долго.

— Я тут недавно поймала себя на том, что уже не говорю «до свидания», а говорю «до связи»...

— Ну, это не жаргонная вещь, это общеязыковое явление, которое демонстрирует влияние технологий, технического прогресса на язык. Представить себе такую формулу прощания было бы невозможно, если бы мы не имели в кармане мобильный телефон и не общались плотно в соцсетях, не перебрасывались эсэмэсками. Так что это яркий пример того, как меняющийся мир меняет язык.

ПОЧЕМУ МЫ ГОВОРИМ «ПРИНТЕР», А НЕ «ПЕЧАТАЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО»?

— Максим Анисимович, вы известны как автор книги «Русский язык на грани нервного срыва». Хочется узнать: основной срыв еще впереди?

— Я иронически использовал это название, считая, что мы сами больше на грани нервного срыва, чем язык. Пока мы творим, пишем, читаем — русский язык жив, и то, что с ним происходят изменения, которые некоторые называют порчей, это свидетельство его жизни, потому что он живой, он меняется и реагирует на то, что происходит вне языка.

— А есть ли смысл бороться с заимствованиями?

— В русском языке были разные эпохи борьбы с заимствованиями. Самая известная — борьба славянофилов с западниками и эксперименты Шишкова, предлагавшего называть калоши мокроступами, но это не привилось. Еще одна волна — сталинская чистка русского языка — тоже ни к чему не привела, хотя она была подкреплена репрессивной мощью государства. И солженицынская попытка также ни к чему не привела. Я бы исходил из реальности, а не из пожеланий «хорошо бы выгнать заимствования». Вначале посмотрите, как слова конкурируют — почему мы говорим «принтер», а не «печатающее устройство»? Русский язык очень хорошо осваивает иностранные слова, одомашнивает с помощью суффиксов и приставок. Вообще же русский язык дал миру какое-то количество экзотизмов.

— Вы имеете в виду слова «перестройка», «спутник»?

— Да, те слова, которые нужны для описания нашей действительности, — «бабУшка» и т. д. Русский язык влиял в основном на пространстве СССР и социалистического лагеря — там, где он был субъектом, а в столкновении с языками французским, немецким, английским он был всегда объектом.

«НА» ИЛИ «В» ЗАВИСИТ ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

— Лингвисты подметили, что в зависимости от того, как человек употребляет выражение «на Украине» или «в Украине», можно судить о его политических взглядах...

— Это произошло недавно — еще полтора года распределение слов было другим. Наши политики, вне зависимости от взглядов, использовали разные предлоги: и «на», и «в», хотя образованные люди всегда говорили «на Украине»...

— Ирина Хакамада, например, в одном из политических ток-шоу уверяла, что всегда будет говорить «в Украине»...

— Сегодня выбор предлога стал осознаваться как солидаризация с определенными политическими силами.

— Но каким вам видится будущее русского языка? Смесью мата и французского с нижегородским?

— Русский язык — смесь всего, и это достоинство языка, согласитесь: он впитывает все, что ему нужно. Многие не задумываются, но такие слова, как «хлеб» и «котлета», — заимствованные из древнегерманского и французского. Посмотрите на наш стол — что там лежит? Помидоры, огурцы, колбаса — все эти слова заимствованы, и что, нам от этого плохо? Русский язык стал хуже?

> **— Мне как лингвисту интересен не узкий жаргон — жаргон проституток и наркоманов, а то, почему вдруг в общее пространство пробивается лексика какого-то из жаргонов. Почему в 90-е годы становится популярной бандитская лексика — «крыша», «отморозок», «забить стрелку» и т. д. — и даже остается после того, как эта волна проходит? Ведь и сегодня используется бандитское слово «наезд», только без криминального оттенка... Стоит мне чуть более агрессивно заговорить с вами, и вы мне можете сказать: «Не наезжайте на меня».**

Русский себя чувствует замечательно, в том числе в области Интернета — там он более активный, чем любой другой язык в мире. Русский язык по количеству говорящих на нем занимает пятое-шестое места, а по подсчету страниц в Интернете он вышел на второе место, и это хорошо: чем язык активнее, тем он благополучнее.

ТРОЛЛИНГ — СПОСОБ ПРОВОЦИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА

— Максим Анисимович, будет книга «Русский язык на грани нервного срыва-2»?

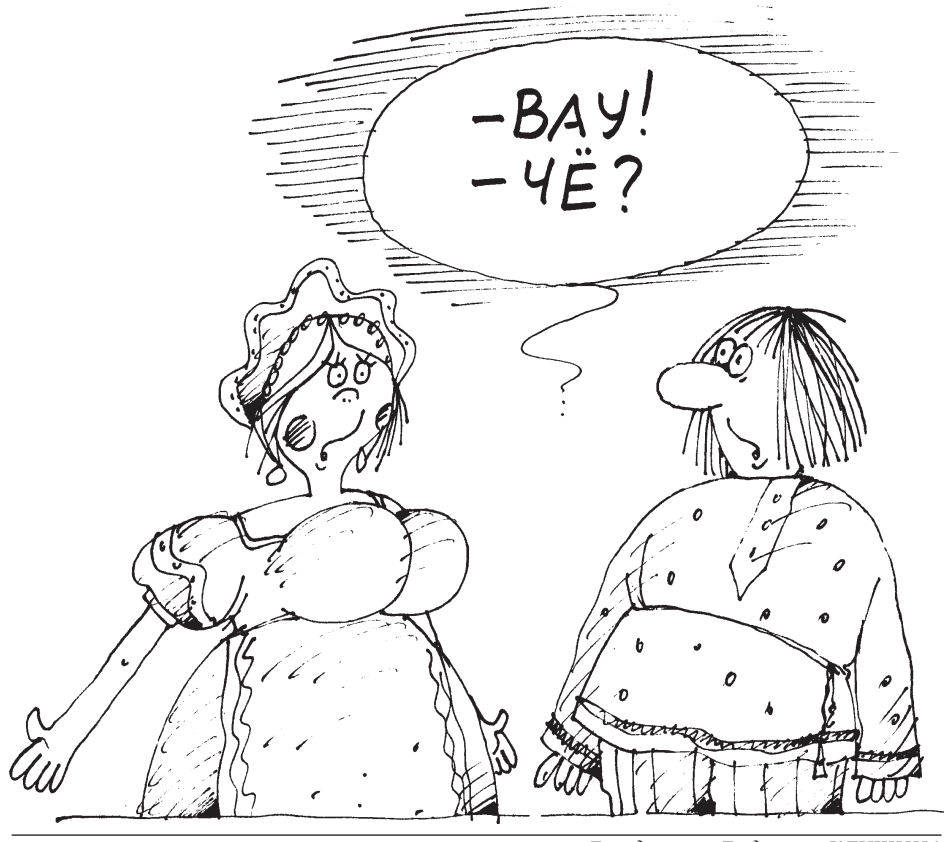
— Ну, у меня уже вышли дополненная диском книга «Русский язык на грани нервного срыва 3D» и «Самоучитель олбанского». Думаю, следующая моя книга будет о вежливости либо о конфликтной коммуникации.

— У россиян проблемы с вежливостью?

— Да, у всех проблемы с вежливостью... Но мне интересно, как меняется наша вежливость. Ведь за последние 20 лет мы стали употреблять другие слова, вести себя иначе, изменилось наше речевое поведение. Возникли и новые способы вступления в правильную коммуникацию, перестроена система имен — появились полные имена, люди обращаются друг к другу без отчества и т. д. А в тех ситуациях, когда мы раньше не здоровались, теперь приветствуем друг друга — может быть, это незаметные вещи, но очень важные.

— А книга о конфликтной коммуникации чему будет посвящена?

— Интернет сохраняет нам огромное количество материалов по этому поводу. Если раньше люди могли повздорить на кухне и назавтра это никто не знал, то сегодня мы видим следы этой коммуникации, и это очень интересно изучать с лингвистической точки зрения — какие механизмы приводят к конфликту, скандалам, как они происходят. Например, в Интернете появились специальные термины «тролль» и «троллинг» — это некий способ провоцирования конфликта, сбой коммуникации. Та же грамма-наци (грамматический нацист, или лингвофашист — агрессивный грамотей. — **Л. К.**) рассматривается сегодня как вид троллинга. Идет, например, разговор на какую-то серьезную тему, и вдруг появляется человек, который вместо содержательной реплики говорит, что вы тут написали с ошибкой, и коммуникация сбивается. Здесь вопрос в механизмах, которые мы используем. Но пока мы сильны, и у нас все хорошо. Проблема возникает только тогда, когда некоторые зоны становятся мертвыми. Русский язык обслуживает почти все зоны, за исключением научной темы, научных текстов, прежде всего по естественным наукам. Грубо говоря, сегодня российские математики и физики предпочитают писать статьи на английском.



Беседовала Людмила КЛУШИНА
Фото Натальи ЧАЙКИ, рисунок Михаила ЛАРИЧЕВА